

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

О.М. Акай*Ростовский государственный**экономический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

oksanaakay@gmail.com

ЭЛИМИНАЦИЯ**ГРАММАТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЛАКУН
В СФЕРЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН¹****[*Oksana M. Akay* Elimination of grammar-word-forming lacunae in the
frameworks of collective names]**

Collective names, whose stable position in the language system causes some perplexity, often convey special pragmatic characteristics. This circumstance is explained by the possibility of the occasional collective names formation that can be qualified as eliminated grammatical and stylistic lacunae. The article discusses the elimination of the grammatical-layer lacunae in the field of collective names, the reasons for the preservation and acquisition such grammatical categories as regularity, obligation and abstractness by collective names, as well as the possibility of filling the lacunae in the ternary opposition, where the interdependence of singularity, indefinite multiplicity and plurality of aggregate is revealed, namely the possibility of the formation of non-custom collective names. In this case, the use of collective names gives the statement greater expressiveness.

Key words: collective nouns, lacunae, grammatical, word-formatting and emotional lacunae, lacunae elimination, occasional words, semantics, pragmatics.

Как известно, в истории языка собирательные существительные выполняли роль лексического (словообразовательного) способа передачи значения множества, именно они являли собой древний (дограмматический) именованно-качественный способ передачи идеи множественности. С оформлением грамматической категории числа потребность в этой функции собирательных имен отпала, между тем они сохранились как лексико-грамматический пласт, что нередко вызывало недоумение. Характерным было представление о собирательных именах как о реликтовом, не пополняемом классе имен. Рассмотр-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016

рим подробнее, какие причины привели к тому, что собирательные имена сохранились и после того, как противопоставление единичности и множественности приобрело все признаки грамматической категории – регулярность, облигаторность и абстрактность.

Собирательные имена привлекли к себе внимание русских грамматистов еще в XVII в.: в грамматике Милетия Смотрицкого содержится упоминание об особой группе существительных, имеющих отличное от прочих существительных значение: собирательное имя, уже единственным числом множество знаменует – *сонм, отряд, камене, стеблие*. Затем М.В. Ломоносов писал о том, что собрание многих видов вместе часто представляется уму нашему в одном понятии и имеет для того оно одно нарицательное имя, которое собирательным называется: *полк, собор, лес, стадо*; позже А.Х. Востоков указал на неделимость собирательных имен и однородность предметов, объединяемых в составе собирательных. Сходное понимание собирательных имен отражено во многих более поздних грамматических трудах – Н.И. Греча, Ф.И. Буслая, А.А. Шахматова, Д.Н. Овсянко-Куликовского, В.А. Богородицкого, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, В.И. Дегтярева и мн. др. Сравним, как охарактеризована сущность собирательности в «Коммуникативной грамматике русского языка»: «Субъект собирательный занимает особое положение в иерархии субъектов: если множественное дискретное не лишает субъекта индивидуности, то множественное собирательное, а также единственное в значении совокупности не позволяет субъекту иметь статус индивида, а значит накладывает ограничения на «процесс имперсонализации» [7, с. 305].

Сформировались два подхода к понятию «собирательность»: узко морфологический и более широкий – семантический (номинативный). При широком понимании собирательности в эту категорию включаются даже формы единственного числа в обобщенно-собирательном значении типа *перо, лист, зверь, сосна* и под. Узко морфологический подход характеризуется тем, что из категории собирательных имен устраняются прежде всего те, которые имеют формы множественного числа.

Разные точки зрения на объем понятия «собирательность» не случайны. Дело в том, что собирательность мыслится прежде всего как семантическая категория, и в наиболее характерных случаях она находит опору в соответствующих словообразовательных (аффиксальных) и грамматических (сингу-

лярных) формах, однако она может и не иметь такой опоры. В этом последнем случае собирательность никак не выражена грамматически. Однако специфика семантическая присутствует в полной мере. Она заключается еще и в том, что, с позиции теории номинации, собирательные имена можно интерпретировать как своеобразное «свернутое» событие. Имена событий происходят на основе пропозиции, а пропозитивная семантика базируется на функции предиката и может быть выведена путем синтаксической деривации, опирающейся на дериват. По мысли Т.А. Спиридоновой [19, с. 12], интерпретация их семантики в терминах события подтверждается дефиниционным анализом, позволяющим извлекать закодированную информацию о латентной предикации: *collection – number of things gathered together or collected*. В рамках значения собирательного существительного присутствуют не только семантические компоненты количественной характеристики (значение множественности), но также иные типы значений – значения объединения, исчерпанности множества, вследствие чего собирательность находится вне категории считаемости. Семантика, в свою очередь, определяет характерные черты синтактики, а именно – возможность или невозможность соединения с количественными числительными.

Любой языковой знак обладает не только семантикой и синтактикой, но и прагматическим содержанием. В исследовании, специально посвященном прагматике собирательных имен, утверждается, что все собирательные имена следует отнести к прагматически значимым, поскольку в них отражена не просто объективная данность, но и субъективный взгляд на природу денотата: множества артефактов и натурфактов, антропонимов и фаунонимов, дискретных по природе, представляются так, как если бы они не имели отдельных элементов [4]. За многими суффиксами собирательности закрепилось вполне определенное прагматическое (коннотационное) значение: суффикс *-ств(о)* в ряде случаев тяготеет к книжности или высокой оценке (*воинство, офицерство*), явные пейоративы – это суффиксы *-j* (орфографически *-ье*), *-н (я)*, *-щин* – *офицерье, солдатня, военизна*. Конечно, суффиксы даже с явной мелиоративной или пейоративной оценочностью – это все-таки «прагматические полуфабрикаты», которые приобретают прагматическую отчетливость даже не в минимальном контексте (слове), а в более объемном – в словосочетании, предложении, тексте.

Д.И. Руденко совершенно справедливо указал на реальность особого прагматического значения – «важно», которое определяет особенности употребления слов типа *крестьянство, студенчество, еврейство* и под. Это оценка интеллектуального типа, которая обнаруживается с меньшей отчетливостью, чем пейоратив или мелиоратив [16, с. 174]. Еще одна оценочная характеристика, связанная с этим суффиксом, – количественная. Собирательное существительное *студенчество* передает оценки «важно» и «много». Именно поэтому нельзя сказать *Студенчество нашей группы*, но можно *Студенчество нашего города, нашей страны*.

Как отмечается в коллективной монографии «Категория количества в современных европейских языках» [8, с. 76], «избыточная» категория собирательности остается живой и продуктивной вследствие того, что собирательность – категория субъективная, зависящая от точки зрения говорящего». Иначе говоря, особая прагматика оправдывает существование суффиксальных собирательных имен. В самом деле, формой *офицеры* можно передать только семантику неопределенного множества, но та же семантика в сочетании с мелиоративной или пейоративной оценками передается собирательными именами – *офицерство, офицерье*. Именно поэтому класс собирательных имен, которым неоднократно давались наименования «превратные», «парадоксальные» и подобные [2], сохраняет свои позиции в языке – остается живым и продуктивным.

Для русского языка характерна тернарная оппозиция, где обнаруживается взаимообусловленность единичности, неопределенной множественности и множественности совокупной: *аристократ – аристократы – аристократия, крестьянин – крестьяне – крестьянство*. Само понятие совокупной множественности, конечно, недостаточно определенное, поэтому оно (вместе с соответствующим собирательным именем) и воспринималось как излишество (зачем нужно наименование *аристократия*, если то же самое можно выразить обычной формой множественного числа – *аристократы*?). Если же учесть прагматические различия, о которых сказано выше, то эта тернарная оппозиция представляется закономерной и системной. Тогда отсутствие третьего элемента этой оппозиции может быть рассмотрено как грамматико-словообразовательная лакуна.

Как и большинство лингвистических терминов, термин «лакуна» далек от однозначности и строгой определенности. Лакуны нередко смешиваются с такими сущностями как имплицитность, скрытые категории, нулевые знаки, неполнота, недостаточность сферы выражения и т.д. В наиболее общем виде лакуна понимается как значимое отсутствие в системе языка, невыраженность идеи (понятия) в том случае, где могла бы быть вербальная определенность. К основным признакам лакун причисляют непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (неясность), даже ошибочность или неточность.

Лакуны традиционно рассматриваются как отражение национально-специфического в языке; они детерминируются двумя группами факторов: собственно лингвистическими, а именно: своеобразием языкового членения мира, и экстралингвистическими: особенностями исторических, экономических, культурных и т.п. условий. Лакуны обнаруживаются на различных уровнях – от фонетического до уровня текста. Однако наиболее исследованы лексические и фразеологические лакуны, поскольку считается, что именно в лексико-фразеологической системе в наиболее завершенном виде предстает специфика конкретного языка. Грамматике же зачастую отводится роль «проводника» внутрисистемных закономерностей языка, задача чисто структурного приспособления лексем друг к другу. Однако именно грамматика представляет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему, свободную от индивидуальных вещественных наслоений, т.е. «структура мысли в чистом виде» [15]. Тем не менее лакуны и их элиминация (компенсация, восполнение) в области грамматики изучены гораздо меньше.

Рассмотрим подробнее возможности восполнения лакуны в тернарной оппозиции, а именно возможности образования неузуальных собирательных имен. Слово *человек* имеет супплетивную форму множественного числа – *люди*. Собирательное *человечество* приобрело особый смысл, связанный с предельной множественностью; семантически оно не идентично множественному числу *люди*. Лакуна в тернарной оппозиции восполняется с помощью окказионализма *людье*:

Были мы люди, а стали людье

(О. Мандельштам «Дикая кошка – армянская речь»).

Поэт прибегает к антитетической конструкции, чтобы тем отчетливее стало прагматическое различие между нейтральным *люди* и в высшей степени пейоративным *людье*. Так поэт характеризует нацию эпохи тоталитаризма. Ср. также:

*Куда, куда вы удалились,
в политику или вранье,
придворные капитализма,
вчерашнее либералье*

(Е. Евтушенко «А я с Россией не расстался...»).

В этих примерах осуществляется элиминация не только грамматико-словообразовательной лакуны (в общем языке нет такого соединения морфем), но и эмоциональной лакуны (в языке нет иных слов, которые соответствовали бы приведенным словам по семантике собирательности и по пейоративной эмоциональной окраске). В силу смысловой и прагматической информативности корневой и словообразовательной морфемы это слово не требует контекста для своей актуализации. Деятельностный характер словообразования наиболее ярко проявляется именно в таких случаях.

Е. Евтушенко формирует собирательные имена от названий наций:

*Как всегда, был на большой
гостеприимный дух грузинства*

(Е. Евтушенко «Просека»).

*Япония взвалила на себя,
не избежав,
как помнит мир,
коварства,
все европейство,
все американство,
однако
свои корни не рубя*

(Е. Евтушенко «Попытка диалога»).

В последнем примере имена с суффиксом *-ств(о)* синкретичны – соединяют абстрактное значение и семантику собирательности. Именно возможность такого синкретизма, очевидно, обусловило и такую форму:

*Но так ли премудро **пескарство**,
когда все равно,
все равно,
все равно
найдет и на дне государство*
(Е. Евтушенко «Казанский университет»).

В последнем случае, как будто, есть опасность, что неологизм останется агнонимом, но адекватному пониманию способствует синтагматика, отсылающая к щедринскому премудрому пескарю. Емкость такого окказионализма позволяет дать однословное наименование явлению без пространственных объяснений.

В том случае, когда имеется узуальное собирательное имя, но его прагматика не соответствует интенциям сообщения, автор прибегает к созданию окказионального слова. Так, чтобы не использовать пейоративное *воронье*, Юнна Мориц изобретает нейтральное (по шкале мелиративность-пейоративность) *воронство*: *...лишь голодное **воронство**, что живет по триста лет* [12, с. 140]. Такие формы не просто нарушают автоматизм восприятия, но актуализируют важные для автора прагматические смыслы, свойственные собирательным именам.

Такое использование окказиональных собирательных имен свойственно не только языку поэзии. Сравним:

*Мне почему-то кажется, что игроки «МЮ» и «Барсы» — вот так не понтуются. Не потому, что сознательные. Потому что – битые. Огромными штрафами. Так и здесь, клубы должны применить к этой жирующей за госсчет **мальчуковии** самые серьезные штрафы* (О. Кушанашвили «Не один»). Сравним также:

*Поколение, уже даже не одно, возвращенное **электронщиной-компьютерщиной**, не то, чтобы отвергает сантименты, милосердие, эти болваны (я взвешиваю слова) даже не знают, что это такое и с чем его жрут* (О. Кушанашвили «Не один»).

Прагматическая функция этого двойного новообразования определяется, во-первых, новой номинацией (коннотация новизны), и, во-вторых, характером словообразовательного средства, реализующем номинацию. Благодаря выбору словообразовательного средства – негативного суффик-

са –*цин*, передается ироническое восприятие автором обозначаемого явления (причем пейоративность и ирония воспринимаются даже в условиях «нулевого контекста»). Контекст необходим, скорее, для уточнения, а не для семантизации образованной единицы.

Узуальный язык, конечно, не использует все имеющиеся формальные возможности, но в реальном применении языка они используются гораздо объемнее, как правило, с целью экспрессивизации:

В телепередаче «Самые шокирующие гипотезы» от 8 сентября 2018 г. в значении ‘школьники’ употреблено слово *школомА*: *ШколомА* часто опережает взрослых.

К. И. Чуковский в «Дневнике» писал после смерти своего сына Николая Корнеевича:

Думаю о Коле непрерывно. Он оставил около 700 страниц «Воспоминаний», вчера Марина читала о Стениче – превосходны. У Марины на руках столько живья (или живности) – ждет внука от Митиной Ани, Женины малыши – она найдет куда приложить свое сердце...

Живье у Чуковского – это родные люди прежде всего, поэтому стандартное *живность* не подходит (впрочем, он помещает стандартный вариант в скобки).

Окказионализмы со значением собирательности могут применяться для создания комического эффекта:

Дорогие друзья – дивановцы!

*От всей души поздравляем вас с юбилеем, о котором вы нас заблаговременно уведомили! Ваша партия всегда отстаивала, вернее – отсиживала и отлеживала интересы трудового **читательства** и **обывательства**, беззаветно служила делу всемерного возрождения Разгильдяйства Российского (Комсомольская правда). Цитата по: [1, с. 112].*

Словообразовательная системность языка позволяет легко элиминировать лакуны – создавать новые слова по образцу канонических. В этом смысле все анализируемые собирательные имена – системные единицы. Даже единичная реализация такой единицы является средством общения автора и читателя; она может быть извлечена из читательской памяти как готовая к использованию единица, подобно любому общеязыковому слову.

Известно, что на основе репрезентативного анализа речетворчества можно выявить определенные тенденции в развитии языка. Окказиональные собирательные имена заданы языковой системой, это закономерный продукт элиминирования грамматико-словообразовательной лакуны. Элиминированные лакуны репрезентируют как свойства самой системы, так и прогнозируют новые возможности и тенденции ее развития. В речетворческом процессе маркируется лишь то, что значимо для носителей языка в целом. Обладая емкостью семантики и свежестью формы, окказиональные собирательные имена в полной мере реализуют авторские интенции. Оценочность этих имен самым тесным образом связана с закрепленной в языковой системе коннотативностью морфемных показателей собирательности.

Таким образом, элиминация грамматико-словообразовательных и эмоциональных лакун в сфере собирательных имен представляет собой лингвокреативную деятельность, которая состоит в творческой переработке канонического слова и маркированного словообразовательного средства. Элиминированные лакуны прозрачны с точки зрения внутренней формы, и потому адресату вполне внятна их прагматическая направленность.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Брусенская Л.А., Беляева И.В., Высоцкая И.А., Китанина Э.А., Красникова И.Р., Ласкова М.В., Лазарев В.А. Прагматическая информация в лексике и грамматике. Ростов-на-Дону, 2004.
2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016.
3. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003.
4. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
5. Глазачева Н.Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

6. *Жельвис В.И.* К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
7. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
8. Категория количества в современных европейских языках / под ред. В.В. Акуленко. Киев: Наукова Думка, 1990.
9. *Коптева О.В.* Лакунарность в английском языке на фоне русских соответствий (на материале английского перевода романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
10. *Коротких Е.Г.* Заполнение лакун русской тематической группы «финансовая и коммерческая деятельность» англоязычными заимствованиями // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009.
11. *Кшеновская У.Л., Стародубцева А.В.* Языковые лакуны в публицистическом тексте и способы их элиминирования в процессе перевода // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32).
12. *Малащенко М.В.* Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2003
13. *Марковина И.Ю.* Прагматические аспекты лакунологии. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения // Вопросы психолингвистики. 2009. №3.
14. *Муравьев В.Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975.
15. *Радбиль Т.Б.* Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Международный научный симпозиум «Русская грамматика». Сборник тезисов (Москва, 13–15 апреля 2016 г.) М., 2016.
16. *Руденко Д.И.* Имя в парадигмах философии языка. Харьков, 1990.
17. *Рябова М.В.* Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э.М. Ремарка на немецком и русском языках). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

18. *Сорокин Ю.А.* Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. Благовещенск, 2003.
19. *Спиридонова Т.А.* Категории собирательного и совокупного множеств в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
20. *Стернин И.А.* Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность. Воронеж: ВГУ, 1997.

R E F E R E N C E S

1. *Brusenskaya L.A., Belyaeva I.V., Vysotskaya I.A., Kitanina E.A., Krasnikova I.R., Laskova M.V., Lazarev V.A.* Pragmatic information in vocabulary and grammar. Rostov-on-Don, 2004.
2. *Brusenskaya L.A., Kulikova E.G.* Environmental linguistics. M.: Flinta; Science, 2016.
3. *Bykova G.V.* Lacunarity as a category of lexical systemology. Blagoveshchensk: BSPU, 2003.
4. *Vysotskaya I.A.* Russian collective name in the linguistic pragmatic direct. Thesis. Rostov-on-Don, 2002.
5. *Glazacheva N.L.* The lacunization model as a component of the translation theory (on the Russian and Chinese languages examples). Thesis abstract. Barnaul, 2006.
6. *Zhelvis V.I.* On the issue of the character of Russian and English lacunae // National-cultural specificity of speech behavior. M.: Nauka, 1977.
7. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.* Communicative grammar of the Russian language. M.: Publishing House of Moscow State University, 1998.
8. Category of quantity in modern European languages / ed. V.V. Akulenko. Kiev: Naukova Dumka, 1990.
9. *Kopteva O.V.* The lacunarity in the English language against the background of the Russian correspondences (on the material of the English translation of the novel by AS Pushkin "Eugene Onegin"). Thesis abstract. Kazan, 2009.

10. *Korotkikh E.G.* Filling the lacunae of the Russian thematic group “financial and commercial activity” with English-language borrowings // Lacunarity in language, picture of the world, vocabulary and text. Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2009.
11. *Kshenovskaya U.L., Starodubtseva A.V.* Language lacunae in the journalistic text and methods of their elimination in the process of translation. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University, 2016, No. 4 (32).
12. *Malaschenko M.V.* Name in the linguopragmatic paradigms. Rostov-on-Don.: Rostov State University, 2003
13. *Markovina I.Yu.* Pragmatic aspects of lacunology. The theory of lacunae in the study of problems of intercultural communication // Questions of psycholinguistics. 2009. No 3.
14. *Muravyev V.L.* Lexical lacunae (on the vocabulary material of the French and Russian languages). Vladimir, 1975.
15. *Radbil T.B.* National specifics of the Russian grammar: cognitive and linguistic and cultural aspects // International Scientific Symposium "Russian Grammar". Collection of theses (Moscow, April 13–15, 2016) M., 2016.
16. *Rudenko D.I.* The name in the paradigms of the language philosophy. Kharkov, 1990.
17. *Ryabova M.V.* Delacunisation in literary translation (on the material of works by E.M. Remarque in German and Russian). Thesis abstract. M., 2011.
18. *Sorokin Yu.A.* Lacunae: another view of consideration // Lacunae in language and speech. Blagoveshchensk, 2003.
19. *Spiridonova T.A.* Categories of the collective and aggregate sets in modern English. Thesis abstract. M., 1990.
20. *Sternin I. A.* Lexical lacunarity and conceptual non-equivalence. Voronezh: VSU, 1997.

18 февраля 2019 г.